

УДК 130.2

**ПРИНЦИПЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**THE PRINCIPLES OF LAW IN TERMS OF IMPLEMENTATION
OF THE SPIRITUAL AND WORLD OUTLOOK POTENTIAL
OF THE JURIDICAL REGULATION**

**Г.А. Борисов, В.А. Носков, Н.В. Зайцева
G.A. Borisov, V.A. Noskov, N.V. Zaitseva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: borisov@bsu.edu.ru; noskov@bsu.edu.ru; ringo__02@mail.ru

Аннотация. В статье уточняется понятийный строй принципов права на основе выдвинутых ранее и сложившихся в последнее время философско-юридических подходов. Проанализирована регулятивная роль правовых принципов в их привязке к различным формам и проявлениям духовно-мировоззренческой реальности. Мировоззренческие ориентации есть своего рода «текст» духовности – конкретный духовный инструментарий, обустройства человека в социальном мире, связанный с «аутентичным» прочтением человеком динамично изменяющихся внутренних и внешних условий его жизнедеятельности. Каждый правовой принцип, будучи включенным в духовно-мировоззренческую реальность, реализует свое регулятивное предназначение в органической связи с другими принципами.

Resume. This paper clarifies the conceptual system based on the principles of law put forward previously and have developed in recent philosophical and legal approaches. Analyzed the role of regulatory legal principles as they relate to the various forms and manifestations of spiritual and ideological reality. Ideological orientation have a kind of «text» spirituality – a specific spiritual tools, everything human in a social world that is associated with the «authentic» human readability dynamically changing internal and external conditions of his life. Each legal principle, being included in the spiritual and ideological reality, realizes its regulatory purpose in organic connection with the other principles.

Ключевые слова: принцип права, естественное право, позитивное право, юридическая наука, духовность, мировоззрение, духовно-правовой регулятор.

Key words: principle of law, natural law, positive law, legal science, spirituality, philosophy, spiritual and legal control.

Актуальной в юридической науке сегодня представляется проблема исследования регулятивной роли принципов права на основе их «погружения» в реальность духовно-мировоззренческого плана. Это, на наш взгляд, создает новые эвристические перспективы и возможности применительно к исследованию данной проблемы. Главная идея работы состоит в том, что логика духовной реальности накладывается на логику правовой реальности и, соответственно, складывается взаимообусловленность, взаимопроникновение их регулятивных потенциалов – всего того, что олицетворяет целенаправленное и эффективное воздействие на общественные отношения с целью их изменения в «нужном» направлении.

Исходя из подобного допущения, правовые принципы можно вначале анализировать в «отрыве» от духовно-мировоззренческих реалий, а затем на основе их «привязки» к этим реалиям. При данном подходе принципы права выступают в двух своих основных формах, а именно, как: (1) «автономные» принципы; (2) «подчиненные» принципы. В первом случае принципы права понимаются как нечто «самодостаточное» что подчеркивает их исключительную значимость как универсального регулятора общественных процессов, а во втором – принципы права интерпретируются на основе их включения в «иную» реальность, что позво-

ляет дополнить их основополагающие характеристики новыми смысловыми акцентировками и вариациями.

Исходя из обозначенной выше логики изложения материала, речь первоначально пойдет об «автономных» правовых принципах, а затем – о «подчиненных» правовых принципах, разумеется, с учетом того, что подобная классификация носит относительный, а не абсолютный характер, поскольку и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же стандартном (классическом) наборе фундаментальных принципов – свободе, справедливости, равенстве и т.д.

К исследованию общетеоретических проблем принципов права привлечено пристальное внимание ученых и научных сообществ. Свидетельством этого являются монографические работы, академические издания, публикации в отраслевой науке, труды зарубежных авторов, многочисленные статьи, посвященные данной проблематике [Марченко, 1998; Бержель, 2000; Баландин, 2001; Скурко, 2008; Ершов, 2010 и др.].

Наибольшее распространение в философии и юридической науке получило определение принципов в праве как *руководящих идей*, раскрывающих саму сущность, пронизывающих содержание права, других явлений, относящихся к сфере правового регулирования, к правовой системе в целом. «Главное заключается в том, – пишет С. С. Алексеев, – что правовые идеи ... изначально пребывают в юридической материи, выраженной в законах, ... в качестве самой сути, центрального звена юридической организации (внутренней формы) правового материала – своего рода «стержня» юридических конструкций» [Алексеев, 2011, с. 311]. Принципы как правовые идеи приобретают статус нормативных установлений, становятся воплощенным правовым идеалом. Не случайно во многих источниках в определениях принципов терминологически сочетаются «исходные, определяющие идеи», а также «положения, установки», «начала» [Ершов, 2010, с. 73].

Отметим также значимость подхода к определению понятия принципов права (правовой системы) через явления «объективный закон права и других правовых явлений» либо «юридическая закономерность». Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, в данной связи необходимо избегать соблазна смешивать правовые явления с законами природы, поскольку механизм реализации последних характеризуется прямолинейностью, постоянством, неизменностью действия зависимостей и воздействующих на них сил [Марченко, 1998, с. 179].

Принципы права выступают в естественно-правовой оболочке, что предполагает проведение аналитической работы через привлечение приемов и средств абстрагирования, нормативного оформления, юридического закрепления, реализации требований принципов в установлениях позитивного права и законодательства, в институциональной системе общества. В юридической литературе в связи с этим высказывается перспективная идея о том, что принципы реализуются во всех формах российского и международного права, являются элементом единой их системы [Алексеев, 2011, с. 323].

В качестве гносеологических категорий правовые принципы дают о себе знать непосредственно через их обнаружение, осознание, придание юридической формы, перевод на язык нормативных установлений, в том числе в плоскость правомочий, юридических ограничений, обязываний, дозволений, запретов. В принципах правовые требования могут присутствовать потенциально. Они обнаруживают себя в процессе углубления познавательной деятельности через осознание потребности принятия как новых норм в соответствии с уже сложившимися образами, так и выведения из уже действующих так называемых юридических конструкций, нормативных обобщений. И данный процесс идет в двух направлениях, когда, с одной стороны, подчеркивается исходное значение гносеологической природы принципов, а, с другой – осуществляется «юридизация» самих принципов, а именно, их интерпретация как объективных юридических законов [Сырых, 2012, с. 77].

Правовые принципы как центральное звено юридической организации становятся стержнем юридических конструкций, на который нанизывается вся инфраструктура (внутренняя форма) юридической организации. В качестве звеньев инфраструктуры юридических принципов можно назвать такие предписания законодательства, которые обособлены в общей части любого законодательного акта: программные положения, закрепляющие цели, задачи, прогнозы; собственно предписания-принципы; нормативные обобщения (дефиниции, конструкции, составы и др.); статусные предписания; нормативные перечни и т. п. Через естественное право требования природной предопределенности и

социально-политической необходимости трансформируются из сферы теоретических представлений мыслителей и доктринального анализа современной практики жизни в плоскость правовых абстракций, нормативных обобщений. В них нет еще правовой индивидуализации, но уже отчетливо просматриваются конструктивные особенности выстраивания правовых средств, приближающих «правовые идеалы и прообразы правовых норм» к статусу индивидуально ориентированных правовых требований.

Логика движения юридической материи при этом не может быть только односторонней. Следует принять во внимание сложный характер взаимодействий, взаимовлияний, взаимосогласований – всего множества объективных факторов, которые накладывают отпечаток на особенности «движения» материи права, на все то, что связано с осознанием, юридическим оформлением, правовым закреплением, реализацией принципов правовой системы. Все это создает условия для использования методологического потенциала других типов правопознания – аналитической юриспруденции, легистского, социологического, а также возможностей юридической практики – правотворческой, правоприменительной, официальной интерпретационной и др. Это можно считать своеобразным двусторонним движением на пути становления и реализации правовых принципов.

Глобализация в государственно-правовой сфере жизни современного общества актуализирует вопрос о необходимости обобщения многих выдвинутых ранее и сложившихся в последнее время представлений, связанных с дальнейшим уточнением правовой природы принципов права и правовой системы, отражающих наиболее общие закономерности развития и функционирования гражданского общества и социального демократического государства. В этой связи особенно остро ощущается недостаточное внимание в научных исследованиях к таким правовым реальностям современного общества, которые обеспечивают трансформацию объективных потребностей жизни в плоскость правовых требований, в так называемые прообразы правовых норм [Скурко, 2008, с. 29]. Здесь необходимо учитывать информационное, ценностное, гуманитарное, практическое и иное проникновение в сферу права. Например, В. Н. Протасов отмечает, что принципы на самом деле не что иное, как информационное отражение в праве основных связей, реально существующих в правовой системе [Протасов, 1999, с. 99].

Общечеловеческая природа естественно-правовых идеалов, ценностей и правовых императивов требует согласования соответствующего объема научных знаний с уровнем правовой системы как целостным, обобщенным и универсальным образованием, имеющим в своем составе нормативный блок (право и законодательство), институциональный, поведенческий (в том числе юридическую практику), правокультурный (правосознание, ценности правовой культуры, правокультурная среда) [Байтин, 2005, с. 177-200]. Адекватная интерпретация объема понятия и структурная характеристика правовой системы создает условия для соотношения принципов её построения с другими уровнями социальной организации, а также с собственно правоведческими вопросами уточнения понятия и построения системы юридических принципов.

Если исходить из установления возможных оснований разграничения юридических принципов на виды, то наиболее распространенным из них является структура права, что, соответственно, подразумевает обособление общеправовых, межотраслевых, отраслевых принципов институтов права. Приведенная классификация, между тем, не исчерпывает решение проблемы классификации юридических принципов.

Большое значение имеет деление принципов на социально-экономические, социально-политические, общесоциальные, а также специально-юридические. Такая классификация принципов на группы играет положительную роль для отбора критериев, установления характера взаимодействия названных разновидностей юридических принципов в системе, хотя и уязвима для критики [Рабинович, 2006, с. 167].

Приемлемой также представляется классификация принципов на группы в зависимости от степени обобщенности отражаемых ими государственно-правовых закономерностей. В соответствии с этим подходом можно выделить следующие разновидности юридических принципов: 1) общечеловеческие государственно-правовые принципы (принципы надпозитивного права), 2) принципы правовой семьи (национальной правовой системы), 3) принципы позитивного права, 4) принципы правового государства, 5) межотраслевые принципы права (принципы частного права, принципы публичного права; принципы

материального права, принципы процессуального права), 6) принципы отраслей права, 7) принципы институтов права.

Как представляется, правовые принципы можно также классифицировать по критерию их духовной «обремененности» и, соответственно, с учетом той регулятивной роли, которую они играют, будучи привязанными к основным ипостасям (формам) духовности. Герменевтическая подоплека данной проблемы такова, что, только «погрузившись» в самую духовную реальность, можно прояснить ее глубинные смыслы, такие, например, как запрограммированность духовности на регулятивную роль по отношению к обществу, социальным группам, классам, институтам, отдельным индивидам и т.д.

В своих дальнейших рассуждениях мы будем исходить из онтологической тройственности самой духовности, понимаемой как олицетворение того, что, во-первых, есть выход за пределы «посюсторонней» (социальной) реальности (трансцендирование); во-вторых, есть отражение, объяснение этой реальности (адаптация); в-третьих, есть воздействие на эту реальность (регуляция). Подобное методологическое допущение подразумевает, что данные ипостаси духовности взаимосвязаны по принципу кумулятивного эффекта, когда каждая последующая ипостась духовности включает в себя регулятивный потенциал предыдущей, а каждая предыдущая ипостась духовности, наоборот, нуждается в своем предметном «заземлении». В итоге, духовность в рамках обозначенного выше методологического подхода будет представлять собой следующую регулятивную триаду:

1. «Чистая» духовность – стремление к трансцендентному, то есть придание смысла имманентному, а именно, облагораживание социальной бытия. Здесь статус духовного имеет именно стремление вырваться за рамки, за границы наличной социальной реальности, определяющейся «естественными» потребностями, интересами, целями и т.д. Но само это стремление есть по своей сути скрытое, опосредованное, завуалированное влияние на социальную реальность, выступающее как реализация цели приближения, приобщения к высшим ценностям и смыслам.

2. «Конъюнктурная» духовность – мировоззренческие конструкции, порожденные определенными социальными условиями, то есть тем, что генерирует, поддерживает и развивает их (конструкции) с точки зрения содержательного наполнения. Строго говоря, именно в «конъюнктурном» своем состоянии духовность становится мировоззрением.

3. «Инструментальная» духовность – сила, воздействующая на социальную реальность и являющаяся в этой связи мировоззренческими ориентациями, или теми факторами, которые, с одной стороны, соединяют «чистую» и «конъюнктурную» ипостаси духовности, а с другой – «заземляют», или, если угодно, втягивают, инкорпорируют, включают их в различные социальные проекты, технологии и практики жизнедеятельности людей. Опять-таки, внесем уточнение, что регулятивной силой в узком своем смысле является именно «работающая» духовность – мировоззренческие ориентации.

В нашем понимании «чистая» духовность тождественна духовности вообще, выступающей как «единство многообразного, которое охватывает процессы сознания и бессознательного (тоже многообразные по конкретным формам своего существования и проявления), включает знания, воплощающиеся, материализующиеся в формах естественных языков и искусственных знаково-символических систем. К духовным продуктам и процессам принадлежат также нормы, принципы человеческого общения, включая нормы и критерии нравственности, права и художественного творчества» [Фролов, 2003, с. 40].

Применительно к обозначенной выше проблеме, «чистая духовность» выступает именно как трансцендирование, то есть как переход, перескакивание от «конъюнктурного» (посюстороннего) к «истинному» (потустороннему) миру, что позволяет трактовать ее как регулирующую силу, оказывающую, пусть формальное, но, тем не менее, влияние на индивидуальные и социальные формы самовыражения человека.

Содержательное же наполнение подобных форм возможно на основе перехода к «конъюнктурной» духовности, или тому, что, на наш взгляд, равнозначно мировоззрению, выступающему как «система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных убеждений и идеалов людей» [Берлин, 2002, с. 454]. Духовность становится «конъюнктурной» в том смысле, что она ориентирует человеческое сообщество не столько на «запредельные» идеалы, сколько на то, что востребовано в «этом» мире и, следовательно, помогает человеку адаптироваться,

приспосабливаться к его нормам, требованиям и правилам игры. Поэтому «конъюнктурная» духовность носит не столько теоретический, сколько практический характер, ибо она подразумевает запрос общества на человека-реалиста, соотносящего свою активность со сложившимися социальными, политическими, историческими и иными контекстами, ибо «каждое общество имеет свое представление о реальности, о мире, о самом себе, о природе и что все это воплощается и выражается в своеобразных словах, языковых формулах, институтах» [Берлин, 2002, с. 11].

Однако, как только духовность переходит в свою практическую плоскость, она неизбежно «расщепляется», т.е. привязывается к социальным сферам, этапам, ситуациям и т.д., Это приводит к тому, что целостное мировоззрение трансформируется в соответствующие ориентации – результат подобной привязки и «расщепления». По большому счету именно так и «работает» мировоззрение, ибо каждый социальный или индивидуальный контекст востребует свое «аутентичное» прочтение, являющееся, с одной стороны, исходным пунктом, трамплином для «реалистического» и «истинного» воспарения духовности, а, с другой – неизбежным следствием их «очеловечивания», «конъюнктурности», «заземления», или, если угодно, практической реализации в партикулярном (не универсальном!) ключе. Поэтому мировоззренческие ориентации есть своего рода «текст» духовности – конкретный духовный инструментарий, обустройства человека в социальном мире, связанный с «аутентичным» прочтением человеком динамично изменяющихся внутренних и внешних условий его жизнедеятельности.

Рассмотренные выше ипостаси духовности органически взаимосвязаны, ибо стремление к «запредельным» ценностям осуществляется не в вакууме, а в рамках конкретно складывающихся обстоятельств – общих мировоззренческих объяснительных схем, которые, в свою очередь, трансформируются в конкретные духовные паттерны освоения и преобразования мира – мировоззренческие ориентации. По сути, речь идет о фундаментально прописанных в обществе трех экзистенциальных (переживаемых) программах духовного (само)регулирования бытия человека.

Корреляция духовности с правовыми принципами обусловлена тем обстоятельством, что исторически правовые принципы создавались не на пустом месте, а были, так сказать, выстраданы человечеством в процессе поиска такого универсального регулятора общественных отношений, который был бы выведен из сферы влияния конъюнктуры сиюминутных обстоятельств, возвышался бы на этими обстоятельствами (в качестве естественного права) и в то же время был с ними связан, чутко улавливая исходящие от них сигналы и импульсы (в качестве позитивного права). По сути, эта основополагающая характеристика накладывается на всю духовно-правовую реальность. Правовые принципы в духовно-мировоззренческой оболочке представляют собой основополагающие идеи (убеждения) как результат синтеза философской рефлексии, юридической догматики и здравого смысла. Подобный синтез имеет своей целью регулирование общественных отношений на основе придания этим отношениям не только легального (обязательного), но и легитимного (справедливого) статуса. В итоге правовые принципы, будучи укорененными в мировоззрении человека, становятся неотъемлемым регулятором его деятельности и поведения, выступая то в качестве возвышенных философских идей, то в качестве четко очерченных юридических норм и процедур, то в качестве интуитивного стремления подчиняться требованиям, вытекающим из права. Поэтому духовность и право являют собой два взаимопроницающих фундаментальных регулятора общественной жизни, ибо право выступает в оболочке естественного права (с духовной доминантой) и позитивного права (с политической доминантой), а духовность в качестве основополагающих своих ценностей предполагает справедливость, свободу, равенство, т.е. все то, что имеет правовую подоплеку. Результатом «встречи» духовности и права становится духовно-мировоззренческая ангажированность правовых принципов, или, если угодно, их одухотворенность.

В связи с этим возникает вопрос о «специализации» самих правовых принципов с точки зрения их привязки к духовности. Действительно, одно дело исходить из того, что тот или иной принцип права свое регулятивное предназначение реализует в рамках всей духовности и другое – когда принцип права объявляется регулятором общественной жизни в рамках соответствующего выражения (ипостаси) духовности. Здесь, по-видимому, нужно исходить из того, что чем более универсальным является правовой принцип, тем в большей степени он претендует на репрезентацию всего регулятивного потенциала духовности, и, наоборот.

Соответственно, более универсальные правовые принципы будут аккумулировать в себе регулятивный потенциал менее универсальных принципов.

В данном случае речь идет о поуровневом подходе в деле определения места того или иного принципа (ценности) в системе принципов права. Как представляется, поуровневый подход в трактовке правовых принципов можно экстраполировать на духовно-мировоззренческую реальность, руководствуясь при этом методологическим критерием Н. Неновски: «Оценка правовых институтов и права», пишет он, «делается с помощью внеправовых критериев» [Неновски, 1987, с. 40]. Таковыми критериями в контексте обозначенной нами проблемы являются рассмотренные выше основные формы духовно-мировоззренческой регуляции общественных процессов. Данный посыл можно конкретизировать на примере таких правовых принципов, как принцип справедливости, принцип взаимной ответственности государства и личности, принцип гласности.

В приведенном перечне правовых принципов справедливость, несомненно, является регулятором в рамках «чистой» духовности, поскольку речь идет о фундаментальном (формальном) мировоззренческом ориентире без его детальной смысловой (содержательной) расшифровки. Попутно отметим, что «справедливость» по своей сути тяготеет к максимальному абстрагированию в целях обеспечения простора для многочисленных своих интерпретаций, которые будут выступать уже как другие принципы права, пристегнутые, однако, не к «чистой» духовности, а к иным, более «заземленным» ипостасям духовного регулирования.

К такой «заземленной» ипостаси духовности можно, например, отнести правовой принцип взаимной ответственности государства и личности, вписывающийся в требование «конъюнктурного» духовного регулирования, так как его актуализация происходит лишь в условиях, когда гражданское общество становится достойным партнером государственной власти, когда человек становится гражданином, а не подданным, когда происходит не на словах, а на деле разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ее ветви, когда культура детерминирует политику, а не наоборот и т.д. Словом, лишь при данной конъюнктуре, т.е. при наличии соответствующего спроса и предложения принцип взаимной ответственности власти и гражданина становится значимой ценностью, которая разделяется многими людьми, приобретает мировоззренческую окраску и, таким образом, трансформируется в духовный регулятор жизнедеятельности общества.

Что касается правового принципа гласности, то, по нашему взгляду, он олицетворяет «инструментальную» духовность, ибо его смысловым ядром является, по большому счету, как раз пропаганда и реализация на практике и правового принципа справедливости и правового принципа взаимной ответственности государства и личности, так как только на этом пути два последних принципа становятся явлениями мировоззренческого порядка, т.е. будучи глубоко усвоенными, де-факто превращаются в регулятивную духовно-правовую силу. В рамках правового принципа гласности реализуется политика информирования широких слоев населения касательно ценностей и норм права, наработанных соответствующей правовой традицией и получившим силу законов благодаря авторитету и мощи государства, касательно тех критериев, на основе которых дается правовая оценка событий, явлений и процессов, имеющих место в данном обществе, касательно действий и процедур правового характера, призванных защитить права и свободы личности и т.д. Но информирование означает приобщение к тому, что выше «текущей повседневности», т.е. выше самого правового принципа гласности и, следовательно, воплощает правовые принципы более высокого порядка. В данном случае получается, что реализация регулятивного потенциала правового принципа гласности подразумевает апелляцию вначале к «промежуточному» правовому принципу взаимной ответственности гражданина и государства, а затем – к предельному (универсальному) правовому принципу справедливости.

Подобная взаимосвязь правовых принципов и *рамках духовно-мировоззренческой активности* выступает как *требование со* стороны гражданского общества информации от государственных структур касательно соответствия их деятельности духу и букве более высоких (универсальных) принципов права. Причем, само это требование выступает как мировоззренческая установка, рождающая своего рода цепную реакцию, способствующую актуализации в общественном и индивидуальном сознании более «возвышенных» принципов права в качестве духовно-правовых регуляторов.

Таким образом, каждый правовой принцип, будучи включенным в духовно-мировоззренческую реальность, реализует свое регулятивное предназначение не в

автономном режиме, а в органической связи с другими принципами. Это позволяет говорить о своеобразном единстве в многообразии, когда в качестве духовно-правового феномена одни правовые принципы претендуют на универсализм и накладываются на «чистую» духовность, подразумевая, вместе с тем, свое «заземление» в более повседневных ее ипостасях с сопутствующими им частными правовыми принципами, а другие принципы тяготеют к партикуляризму, ориентируясь на привязку исключительную к «своей» ипостаси» духовности, одновременно апеллируя к более высоким ипостасям духовности и, соответственно, к более универсальным правовым принципам.

Список литературы References

1. Алексеев С.С. 2011. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 752.
Aleksseev S.S. 2011. Voshozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [The ascent to the right. Searches and solutions]. М.: Norma, 752 (in Russian)
2. Байгин М. И. 2005. Сущность права. М.: ИД «Право и государство», 544.
Baytin M.I. 2005. Suschnost prava [Essence of the law]. М.: Izd-vo «Pravo i gosudarstvo», 544 (in Russian)
3. Баландин В.Н. 2001. Принципы юридического процесса. Тольятти, 150.
Balandin V.N. 2001. Printsipy iuridicheskogo protsessa [The principles of the legal process]. Togliatti, 150 (in Russian)
4. Бержель Ж.Л. 2000. Общая теория права. Пер. с фран. М.: Изд-во NOTA BENE, 575.
Berzhel J.L. 2000. Obshchaya teoria prava [General Theory of Law]. Perevod s fran. М.: Izd NOTA BENE, 575 (in Russian)
5. Берлин И. 2002. Подлинная цель познания: избранные эссе. Пер. с англ. и коммент. М.: Канон, 799.
Berlin I. 2002. Podlinnaya cel' poznaniya: izbrannye esse [The original purpose of knowledge: Selected essays]. Perevod s angliyskogo i kommentarii. М.: Kanon, 799 (in Russian)
6. Ершов В.В. 2010. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М., Изд-во РАП, 223.
Ershov V.V. 2010. Osnovopolagaiuschie obshcheteoreticheskie i grazhdansko-pravovye printsipy prava [Fundamental Theoretical and civil-law principles of law]. М.: Izd-vo RAP 223 (in Russian)
7. Марченко М.Н. 1998. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т.1. М., Изд-во Зерцало, 416.
Marchenko M.N. 1998. Obshchaya teoria gosudarstva i prava [The general theory of state and law. Academic course in 2 volumes]. V.1. М.: Izd-vo Zertsalo, 416 (in Russian)
8. Неновски Н. 1987. Право и ценности. М., 245.
Nenovski N. 1987. Pravo i cennosti [Rights and values]. М., 245 (in Russian)
9. Протасов В.Н. 1999. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 240.
Protasov V.N. 1999. Teoria prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva: voprosy I otvety [Theory of Law and State. Problems of Theory of Law and State: Questions and Answers]. М.: Novyi Iurist, 240 (in Russian)
10. Рабинович П.М. 2006. Социалистическое право как ценность. Одесса: Юридична література, 167.
Rabinovich P.M. 2006. Socialisticheskoe pravo kak cennost [Socialist law as a value]. Odessa: Yurydychna literatura, 167. (in Russian)
11. Скурко Е.В. 2008. Принципы права. М., Изд-во Ось-89, 192.
Skurko E.V. 2008. Printsipy prava [Principles of law]. М.: Os-89, 192 (in Russian)
12. Сырых В.М. 2008. Проблемы теории государства и права. М.: Эжмо, 528.
Serih V.M. 2008. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]. М.: Eksmo, 528 (in Russian)
13. Фролов К.Т. 2003. Введение в философию. М.: Республика, 623
Frolov K.T. 2003. Vvedenie v filosofiiu [Introduction to Philosophy]. М.: Respublika, 623 (in Russian)